

Александр Валентинович Амфитеатров

Илья-Громовник

Александр Валентинович Амфитеатров

Илья-Громовник

Аннотация

«Ветхозаветный библейский мир сравнительно слабо отражён сказочною фантазией христианских народов. Собственно говоря, это странно: казалось бы, времена чудес, какими полна каждая страница Пятикнижия, книги Иисуса Навина, книги Судей, Пророки, воинственный эпос книги Царств и Маккавейской, должны были глубоко запасть в душу дикаря-неофита когда он менял простодушную мистику своей первобытной, стихийной мифологии на возвышенную простоту религии Христа, за которую, как основной фон её, просвечивала религия Моисея и тысячелетняя таинственная история „избранного“ народа, ею созданного, ею управляемого...»

Александр Амфитеатров

Илья-Громовник

Ветхозаветный библейский мир сравнительно слабо отражён сказочною фантазией христианских народов. Собственно говоря, это странно: казалось бы, времена чудес, какими полна каждая страница Пятикнижия, книги Иисуса Навина, книги Судей, Пророки, воинственный эпос книги Царств и Маккавейской, должны были глубоко запасть в душу дикаря-неофита когда он менял простодушную мистику своей первобытной, стихийной мифологии на возвышенную простоту религии Христа, за которую, как основной фон её, просвечивала религия Моисея и тысячелетняя таинственная история «избранного» народа, ею созданного, ею управляемого. Между тем, заглянув хотя бы в связанные с церковным календарём легенды, поверья и предания древней Руси, мы найдём, что грандиозные фигуры Моисея, Самуила, Давида, Исаии, Иеремии или не оставили в них вовсе следа, или – только мимолётный, гораздо бледнейший, чем даже второстепенные и третьестепенные деятели христианской эры. Как будто – новообращённым народам Ветхий Завет становился известен не сразу, но – когда они уже выходили из своего, так сказать, эпического детства, отказывались, – за отвычкою, – от потребности поставить на место старой своей, ныне запретной мифологии, новую, извлечён-

ную из неправильного понимания книг Св. Писания и Предания. Книжники древней Руси знают Ветхий Завет в совершенстве, но книжники – не народ, а раскольничьи хитросплетения на ветхозаветные темы нельзя принимать за вышедшие из глубины народного мировоззрения: это – византийское, схоластическое веяние, достояние интеллигенции XVI и XVII веков, которое влияло на ограниченный кружок письменных людей, распространяясь в народе вряд ли больше, чем, например, современные религиозно-философские достояния интеллигенции, – спиритизм и теософизм, – откликаются в современном народе. Адам, Каин и Авель на луне, бряцающий на лире царь Давид, маг Соломон – вот едва ли и не все библейские образы, произведшие на народную фантазию столь сильное впечатление, что она отозвалась на них самостоятельным творчеством. Царя Давида мы видим главным действующим лицом в апокрифе, ставшем народным в излюбленном духовном стихе древней Руси «О книге Голубиной»; имя и характер Самсона сохранились лишь, как намёк, в былинах о «старших» богатырях; Соломон зашёл в народ не столько из библии, сколько из восточных сказок, с характером царя-чародея из «Тысячи и одной ночи». Народ создавал десятки легенд о Козьме и Дамиане, Борисе и Глебе, Фроле и Лавре, о св. Сисинии, грозе лихорадок, о Параскеве-Пятнице, не говоря уже о святых любимцах его воображения – ап. Петре, Иоанне-Крестителе, Николае-Чудотворце, но в ветхозаветный пантеон он почти не заглядыва-

ет – мир ante Christum natum оставался в ведении книжечеев, начётников из «интеллигенции», едва ли не до последнего времени, т. е. до школьной грамотности. Обстоятельство это, быть может, – отчасти искусственного происхождения. Нам известно из истории первых веков христианства, что оно не сразу примирило учение Евангельское с наследием Моисея и пророков, что были секты, полагавшие Ветхий Завет совершенно упразднённым через Новый, а иные из ересей гностических доходили в последовательном развитии этой идеи даже до той крайности, что вовсе отметали Ветхий Завет, как порождение обмана, в который ввёл человечество низший дух, властитель земли, – враг верховного Божества и «эона» Иисуса, ниспосланного, чтобы спасти обманутую духом-самозванцем землю. Так как слабое влияние ветхозаветной истории на народное творчество, отмеченное для русской легенды, почти таково же и на Западе, то, быть может, не будет неосторожным предположить, что первые миссионеры христианства у кельтов, германцев, славян, – памятуя недоразумения, какими неоднократно отзывалось столкновение грозных фактов библейской истории с краткою евангельскою моралью в умах робких, неопытных и ещё нетвёрдых в вере, – не слишком усердно настаивали на ближайшем знакомстве неопитов с Ветхим Заветом, довольствуясь краткими его обзорами – конспективного характера, вроде тех, что встречаем мы у апологетов II века или у Нестора. Известно, что католическая церковь объявила в средние века библию книгою,

опасною для чтения частных лиц, и воспретила последним иметь её на дому, особенно, в переводе с латинского текста. Косвенное отражение того же взгляда находим мы в житии св. Никиты, епископа Новгородского (ум. 1108 г.), одного из первых затворников Киево-Печерской лавры. Когда он был в затворе, «бес, явившийся в виде ангела, дал ему совет оставить молитву и заниматься только книгами, а на себя принял молиться за него и молился в виду его. Скоро стал Никита прозорливым и учительным. Никто не мог сравниться с ним в знании книг Ветхого Завета; он знал их на память; но книг Нового Завета он чуждался. По этой последней странности поняли, что он оболещён. Игумен и подвижники печерские, помолясь о заблудшем брате, прогнали беса-прельстителя. Они вывели Никиту из затвора и спрашивали о Ветхом законе, желая что-нибудь услышать от него. Но он с клятвою уверял, что никогда не читал книг. Тот, который прежде знал наизусть все ветхозаветные книги, теперь не помнил ни слова, и отцы едва, научили его грамоте». Впрочем, незачем забираться в глубь веков. Всего в первой половине нашего столетия, предприятие русского перевода библии было встречено большим недоброжелательством Фотиевой клики, послужило поводом к пылким спорам чуть не об ереси и, во всяком случае, о неблагонадёжности религиозной, и испортило жизнь о. Павскому, перевод которого так и остался недоконченным. Когда Лесков, в одном из полуисторических рассказов-анекдотов своих влагает в уста известного ханжеством

своим фельдмаршала Остен-Сакена совет: «Не читайте библии, – это мирская книга!» – он выражает лишь мнение, действительно, распространённое среди многих теологов: для всех-де – толкования библии, самая же библия – лишь для умеющих обращаться с нею богословов-специалистов.

Но один из самых величественных ветхозаветных образов, дойдя до сведения народного, поразил фантазию обращённого язычника слишком ярко, чтобы не запечатлеться в ней на века вечные, не сродниться с нею, не стать в ней на одно из первенствующих и властных мест – в непосредственной последовательности за самим Христом и Богородицею, наряду с «Егорием Храбрым» и «Миколою Чудотворцем». Образ этот – св. Илии-пророка. Величайший из ветхозаветных предтеч Христа, беседующий в буре, громах и в тихом ветре с Богом на Хориве, низводящий огонь небесный на жрецов Вааловых и воинов Ахава, питаемый врагами, возносящийся в небо на пламенной колеснице, запряжённой огнедышащими конями, пришёл к по душе славянину-полуязычнику; последний увидал в нём христианское переложение исконного, стихийного бога громов и молнии, культ которого – общее достояние всех арийских народов, параллельное с культом солнечных богов. Можно с большою достоверностью предположить, что громовые и молниеносные мифы, соединяемые в фантазии простолюдина с именем Ильи-пророка, – древнейшие в ряду многочисленных приспособлений христианства к остову древнеязыче-

ских воззрений. Глубоко знаменателен тот факт, что Илья-пророк – первый из христианских святых становится покровителем крещаемых киевлян и ещё до Владимира имеет в Киеве храм, рассадник будущей религии. Громоносец христианства борется с громоносцем-Перуном и побеждает его, как некогда побеждал Ваала.

Процесс замены бога-громовника Ильёю-пророком, как он свершался в славянских землях, легко проследить наглядно, если присмотреться к верованиям осетин (арийского племени, неизвестного происхождения, рассыпанного по ущельям между Владикавказом и Гудауром). Культурный уровень осетин вряд ли выше, чем предков наших в эпоху крещения Руси, а религия – странная смесь христианства, магометанских наслоений и первобытного язычества. В Осетии, как и в Чечне, мулла свободно кричит при колокольном звоне, языческий кумир покойно стоит в старой, оставленной церкви царицы Тамары. Как все первобытные религии востока, хотя и прошедшие чрез ревнивое горнило магометанства, верования осетин полны демоническим началом; по всем стихийным мифологиям можно проследить, что где – яд, там и противоядие, где демоны, там и враг их – могущественный бог-молниеносец. Но последнего нет уже на осетинском языческом олимпе: он всецело и нераздельно уступил своё место и свои обязанности Илье-пророку, ныне главному покровителю Осетии, а сам исчез во мраке неизвестности. Пророк, всю жизнь свою воевавший против идоло-

служения «на высотах», сам покорил себе кавказские высоты. Впрочем, не только кавказские: имя св. Ильи носят теперь весьма многие горы, некогда посвящённые богам грома и молнии. Так, высочайшая вершина Эгины, где восседал когда-то обще-эллинский Зевс, в настоящее время также называется горою св. Илии. В пещерах и других местах, посвящённых горными осетинами Илье, приносят в жертву ему коз: мясо их съедают, а кожу развешивают на большое дерево, пред которым совершают «дубровные празднества». В Ильин день просят «пророка» спасти от града и ниспослать богатую жатву. Если кого поразит гром, то все близкие радуются в уверенности, что убитый взят на небо Ильёю, кричат от радости, поют и пляшут около тела. Со всех сторон сбегаются люди, пристают к пляшущим и поют: «О, Илья, Илья! житель горных вершин!» Повторяя мерно этот крик, они, построившись в кружок, то приближаются, то отходят далее. Припев затягивает сначала запевала, а потом уже его повторяет толпа. По окончании грозы, переодевают покойника в другое платье и, положив на подушку, оставляют на том же месте и в том же положении, в каком он был найден, а затем поют и пляшут до полуночи. Родственники убитого так же веселятся, как будто на празднестве: грустный вид почитается оскорбительным для Ильи и впоследствии достойным наказания. Этот праздник продолжается восемь дней, по истечении которых свершается с большою торжественностью погребение. Над могилою насыпают кучу кам-

ней и подле неё с одной стороны вешают на высоком месте чёрную козью кожу, а с другой – платье покойника. Путешествуя осенью 1888 года по Кавказу пешком, я неоднократно был свидетелем местного поклонения пророку Илье, сопровождаемого кровавыми жертвами. В Ильин день, в Анануре, говорят, вся церковная ограда бывает залита кровью ягнят, закалываемых во славу святого. После обедни, священник благословляет животных, приведённых на убой, и начинается бойня: часть битой скотины поступает в приношение священнику, а остальное мясо – на шашлыки, которые жарятся тут же на кострах. Это – самый весёлый день в горах. Костры пылают, вино льётся, и песни гремят до глубокой ночи. Обычай жертвенных общественных трапез на Ильин день держался, сравнительно в недавнее время, ещё кое-где и на Руси, – напр., как записал Сахаров, в селе Обыченском, Пермской губернии. Поселяне, на мирскую складчину, приводили с собою – кто быка, кто телёнка, убивали их и съедали всю деревню. В Тульской губернии на мирскую складчину, в старину, пекли новый хлеб и раздавали его нищей братии от всей деревни. Памятью о старинных жертвенных пиршествах в Ильин день сохранились на Руси поговорки: «на Илью – баранью голову на стол», «Илья – бараний рог», «на Илью – барашка в лоб» и т. п., инде, впрочем, применяемые и к Петрову дню. В северных губерниях (например, в Новгородской, где память общественных праздников ещё свежа) существует сказание, что к пиршеству этому, ежегод-

но, выбежал из лесу олень, который и был закалываем для народного пира; в другом варианте, оленя заменяют две лани: одну из них убивали, варили и съедали, а другая уходила. Но однажды какой-то несправедливый «поп Ванька» «замолит» обеих, и с тех пор лани перестали появляться. Слово «замолить», в смысле убить живое существо, как эхо далёких жертвоприношений, до сих пор звучит в народном языке. Изучая пресловутое мултанское дело, постоянно встречаешься с ним: «вотяки замолили человека» и т. п. Мотив легенды о чудотворном послании оленя на потребу верующим звучит в известном сказании из жития св. Макария Желтоводского. Когда Улу-Махмет отпустил Макария из полона, он с братией направился в Галич, лесами и болотами. Дело было в Петровки. Путники поймали лося, но Макарий убедил их сохранить пост и отпустить зверя на свободу до Петрова дня, обещая, что в этот праздник лось сам явится к ним на заклание. Лосю надрезали ухо и пустили его в лес. В Петров день, когда настала пора путникам разговеться, меченый лось, действительно, пришёл и был «благопотреблён».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.